

Д. С. Маджун

ПОВОД К ВОССТАНИЮ 1916 г. В СЕМИРЕЧЬЕ И ЕГО НАЧАЛО

Национальная академия наук Республики Кыргызстан, Центр дунгановедения и китаистики Института истории и культурного наследия, Республика Кыргызстан, 720071, г. Бишкек, пр-т Чуй, 252-А

Анализируются события, давшие непосредственный толчок началу народных выступлений, прокатившихся по территории Туркестанского края в 1916 г., поводом для которых послужило Высочайшее повеление о привлечении мужского инородческого населения империи для тыловых работ.

Автор приходит к выводу о том, что непродуманный указ о реквизиции коренного населения для работы в тылу, принятый в разгар уборки урожая, и последовавшее за ним введение военного положения в Туркестане вместе с незаконными несправедливыми действиями имперской и местной администрации спровоцировали массовые народные выступления. Библиогр. 24 назв.

Ключевые слова: восстание 1916 г., кыргызы, казахи, Семиречье, Фольбаум, тыловые работы, имперская администрация.

THE MOTIVE AND THE BEGINNING OF THE 1916 UPRISING IN SEMIRECHYE

D. S. Madzhun

Academy of Science of Kyrgyzstan, Institute of History and Heritage, Center of Dungan and Chinese Studies, 265-A, Chuy prospect, Bishkek city, 720071, Republic of Kyrgyzstan

The article analyzes the events that gave an immediate boost to the beginning of the popular uprising in 1916 which swept through the territory of Turkestan. The immediate cause of the beginning of the unrest in the Semirechye was the highest command of attracting the male indigenous population of the Empire for rear guard work from 25 June 1916.

The author concludes that the ill-conceived decree on the requisition of the native population to work in the rear, passed in the midst of the harvest, and the subsequent imposition of martial law in Turkestan, as well as illegal and unjust actions of the Russian and native administration provoked mass popular demonstrations. The actions of representatives of the Imperial administration and local Semirechye judicial authorities from Russia were manifestly unfair in respect to Kyrgyz and Kazakhs. Moreover, we consider the question of the provocative role the authorities played in the organization of the "Kyrgyz revolt", and, in spite of the discontent, all the parish lists of workers were already drawn up. Refs 24.

Keywords: revolt of 1916, Kyrgyz, Kazakhs, Semirechye, Falbaum, rear works, the Imperial administration.

Волнения 1916 г., вспыхнувшие на огромной территории окраин Российской империи и принесшие колоссальные людские и материальные потери, по своему трагизму и географическим масштабам не уступали происходившим в то время боям на фронтах Первой мировой войны. Эти события необходимо рассматривать в контексте глобальной мировой истории, когда движущей силой являлось стремление крупных империалистических стран к распространению своего влияния и территориальному переделу. Для достижения этой цели использовались все средства — от эскалации внутренних конфликтов в государствах до открытых военных столкновений между ними.

Восстание в Семиречье стало результатом целого комплекса внутренних и внешних причин, в сумме приведших к кровавой трагедии. В советский период

рассматривались лишь некоторые из них: грабительский характер земельной политики царизма, невыносимый колониальный и феодальный гнет, бесправие бедных слоев населения, усилившееся начавшейся Первой мировой войной. На рассмотрение других причин восстания, таких как внешнее вмешательство, предательство в высших эшелонах власти в центре и на местах, провокации и подстрекательство иностранных агентов, русских военных, должностных лиц имперской и туземной администрации, опиумный фактор и другие, было наложено табу. Без исследования всего комплекса причин объективную картину событий восстановить сложно.

В последние годы происходит пересмотр ранее устоявшихся идеологически выверенных оценок исторических событий, которые сознательно искажались или скрывались по идейным соображениям. Это стало возможным благодаря вовлечению в научный оборот документов и материалов, в основном российских архивов, ранее недоступных или засекреченных. Речь идет о трехтомнике «История села Беловодского» Б. Ф. Мухлынина [1], электронном сайте Федерального архивного агентства России «События в Семиречье 1916 г. по документам российских архивов» [2] и др. Большой вклад в изучение Семиреченского восстания 1916 г. вносят российские ученые, среди них особо нужно выделить работу Т. В. Котюковой [3] (Институт всеобщей истории РАН), которая ввела в научный оборот документы из архивов различных городов России, бывших среднеазиатских республик и Казахстана, она также является организатором международных научных площадок для обсуждения и переосмысления трагических событий 1916 г., ставших общей трагедией для народов Туркестана и России.

В статье также использованы ранее неопубликованные документы из фонда 44 «Семиреченское областное правление Министерства внутренних дел» Центрального государственного архива (ЦГА) Республики Казахстан, фонда И-75, посвященного восстанию 1916 г., из ЦГА Кыргызской Республики, свидетельства очевидцев и участников восстания из разных районов Киргизии, собранные в середине 1950-х годов студентами и сотрудниками Академии наук Кыргызской ССР [4]. Рукописные работы из Фонда рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан (ФРРК НБ РК) в основном представляют собой первые попытки современников и свидетелей событий 1916 г. объективно проанализировать их «по горячим следам». Они написаны в начале 1920-х годов, когда еще не были выработаны строгие идеологические подходы в освещении восстания. По ряду причин идеологического характера эти материалы без указания имени автора (инв. № 62 [5], инв. № 66 [6]) не нашли отражения в исследовательских работах, хотя они анализируют причины восстания и описывают ход народных выступлений «глазами повстанцев». В другой работе этого фонда — рапорте генерал-губернатора Туркестанского края А. Н. Куропаткина (инв. № 69) [7], который отвечал за подавление среднеазиатского восстания, Николаю II — излагается официальная точка зрения на эти трагические события.

В состав Туркестанского края Российской империи входили территории следующих современных государств: Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан, тюркоязычные регионы юга Сибири. В рассматриваемый период Семиреченская область входила в состав Туркестанского края и состояла из шести уездов, три из которых: Джаркентский и особенно Пржевальский и Пишпекский — были охвачены пламенем восстания.

Непосредственным поводом к началу беспорядков в Семиречье послужило Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» от 25 июня 1916 г. Как справедливо отмечает Т. Котюкова, в Туркестане долгие годы формировалась почва для социального взрыва, которая данным указом была простимулирована за считанные дни.

И он, взрыв, не заставил себя долго ждать: спустя несколько дней на территории всех пяти областей Туркестана от Каспия до Тянь-Шаня разгорелось восстание, угрожавшее как социально-политическому спокойствию, так и экономической стабильности на азиатских рубежах империи, что для России в состоянии войны было жизненно необходимо [3, с. 39].

Распоряжение о наборе представителей коренного населения Семиречья для работы в тылу действующей армии было получено в г. Верном (ныне Алматы, административный центр Семиреченской области) 1 июля 1916 г. и стало совершенно неожиданным как для администрации, так и для населения. К концу первой декады июля население всех волостей Семиречья через должностных лиц местной администрации было оповещено об указе. Во всех волостях Семиречья после указа о наборе для работы в тылу царило беспокойство, тревога и даже паника. Никогда до этого, по законам Российской империи, коренное население не подлежало даже призыву в армию, не говоря об использовании их на принудительных работах в тылу.

Отношение к призыву в разных волостях и даже внутри одной волости было неоднозначным. Часть коренного населения, смирившись со своей участью, согласна была пойти на работу, служить вместе со всеми и заработать деньги. Такое спокойное настроение наблюдалось в волостях, где ряд «туземных» переводчиков, командированных для этих целей областным начальством, провели разъяснительную работу среди населения. В местах, где не было влияния иностранной агентуры (Николаевское, Кара-Булакская, ряд аулов Больше-Алматинской волости, Верненский и ближайшие к нему уезды и др.) [8], благодаря чрезвычайно миролюбию казахского населения и разъяснительной работе части администрации, русской и казахской интеллигенции восстание не приняло всеобщего масштаба. Здесь население согласилось дать рабочих и составило списки. Эти рабочие к 14 октября были одеты, обуты и готовы к выступлению. Среди рабочих было много молодежи, изъявившей желание добровольно пойти на работы и даже на фронт [9, л. 1–5]. Были даже волости, которые просили о зачислении «киргизов» в казачьи войска с предоставлением права на казачий надел и на такие же обязанности к войне, как у русских [6, л. 9].

Привыкшее подчиняться правительственным указам коренное население многих волостей сначала спокойно отнеслось к призыву. Возмущение началось после злоупотреблений и несправедливости, чинимых манапами (состоятельными и влиятельными представителями кочевого населения) и волостными управителями в отношении бедняков и неугодных лиц при составлении списков рабочих. Так, бывший Тюлековский староста Абдрахман Чиныков, киргиз Тлеубердинской волости Беловодского участка, показывал на следствии: «Когда вышло распоряже-

ние о наряде рабочих, население приняло объявление спокойно. Собирались уже составить требуемый приговор, как стало известно, что сам старшина приедет для составления приговора. Старшина приехал, и приговор составлен не был». Калдыбай Сарбаев, житель той же волости, говорил, что «киргизы были не против самого набора, они были недовольны тем, что богатые пытались избежать реквизиции. Поэтому население хотело, чтобы русские власти сами проводили набор по справедливости» [10, л. 54 об.].

Распоряжение властей о том, что реквизированное коренное население для работы в тылу должно было за свой счет быть обеспечено одеждой, еще больше подливало масла в огонь. Областная и уездная администрация не разъясняла населению, что мусульман берут не на фронт и что их работа в тылу будет оплачиваться по 1 руб. в день, а казной выделены пособия в размере 30 руб. на обмундирование рабочих из бедняков [11]. Вместо этого администрация, имперская и особенно «туземная», по привычке стала использовать очередной указ для собственного обогащения, занимаясь вымогательством посредством откупной системы. Богачи откупали своих детей от реквизиции, перекладывая всю тяжесть набора на бедноту, что обостряло вражду между богатыми и бедняками, почему и начались первые стихийные протесты населения.

Собиравшиеся налоги, подати, как и пожертвования в помощь армии, по большей части оседали в карманах представителей имперской и «туземной» власти, не доходя до казны, как и средства, отпущенные государством в помощь бедным слоям, не доходили до коренного населения. Об этом свидетельствуют документы межведомственного совещания по вопросу обмундирования призываемых инородцев, где отмечалось, что среди призываемых инородцев до 70 % бедняки, которые, «кроме одного халата на голом теле, не имеют другой одежды» [12, л. 2].

Чтобы заставить население раскошелиться, представители волостной и уездной администрации стали запугивать население, распространяя слухи о том, что на войну и рытье окопов призвут абсолютно все мужское население и что якобы «туземные» рабочие будут отправлены на фронт и там перебиты. Современник писал:

Необъяснимая паника охватила целые уезды: одни волости пытались перекочевать в Китай, другие уйти в пески к Балхашу, третьи со стадами и добром забирались в труднодоступные ущелья гор. Женщины заголосили, старики потеряли обычную власть над молодежью, которая открыто вышла из повиновения. Большая часть наемных работников-киргизов: ямщиков, джигитов, сельскохозяйственных рабочих — бросила работу и бежала в степи и горы [6, л. 16–18].

Народное движение начиналось в форме массовых возмущений, сопровождавшихся уничтожением списков призывников. Генерал-губернатор Туркестана А. Н. Куропаткин писал, что «беспорядки начались с требования населения прекратить перепись и выдать составленные списки. При этом сводились счета с притеснителями (7 волостных, 6 писарей, 10 стражников убито)» [7, л. 10].

Население обращалось к администрации с просьбой разрешить составить списки рабочих путем открытой жеребьевки, как это делалось при наборе русских новобранцев, в присутствии уездной администрации, но и эта просьба была оставлена без внимания [6, л. 18].

Положительный ответ на эту просьбу мог бы помочь разрешить создавшуюся взрывоопасную конфликтную ситуацию в мирной плоскости. Если бы представители имперских властей и военные хотели избежать конфликта, они бы разъясняли неграмотному коренному населению, что их берут в качестве оплачиваемых рабочих на работы в тылу, а не на фронт.

Вместо справедливого решения вопроса с призывниками при помощи открытой жеребьевки военный губернатор Семиреченской области М. А. Фольбаум фактически пошел на конфронтацию с местным населением, предоставив возможность провокаторам — русским, «туземным» и иностранным — и далее нагнетать обстановку в толще «туземного» населения, хотя в своем Всеподданнейшем отчете за 1916 г. он отмечал, что одной из главных причин восстания явилась агитация извне:

Есть бесспорное основание считать виновниками по агитации, во-первых, некоторые элементы из соседнего Кульджинского района, во-вторых, и агентов Германии [13, л. 5].

О письмах из Медины, разжигавших религиозный фанатизм среди мусульман Туркестана, с призывом готовиться к священной войне против неверных (русских) М. А. Фольбауму поступали известия еще в начале 1915 г. [14, л. 28, 45, 62, 97]. 9 августа от имени Мокуша Шабданова и других манапов Сарыбагишевской волости верховыми были разосланы письма, в которых манапы уведомляли о якобы успешном начале восстания, уничтожении Пишпека и Токмака, отобрании казенного табуна. Киргизы приглашались открыто примкнуть к восставшим и соединиться под священными знаменами Шабдана Ходжи [15]. В полученной 17 августа 1916 г. телеграмме из Верного генералу Ерофееву говорится о китайскоподданных китайцев и дунганах, членах секретного анархического общества, которые вели пропаганду с целью поднять восстание «киргизов» в Семиречье [16, л. 179].

Интересно, что в хлопководческих районах, где только коренное население могло обеспечить страну дешевым хлопком, и степных, малопригодных к земледелию администрация с успехом проводила мероприятия по поддержанию мира и спокойствия среди населения. А в плодородных земледельческих, экономически благополучных волостях Семиречья (Пржевальской, Пишпекской, Джаркентской), напротив, делалось все, для того чтобы вынудить мусульманское население к бунту. Полицейские, казаки и русские крестьяне, ряд представителей уездной и волостной администрации, листовки и иностранные агенты — все так или иначе подстрекали население к открытому неповиновению властям, вносили панику, распространяя ложные слухи.

Уже в начале июля высшая администрация в Верном и Ташкенте начала военную подготовку к «возможному выступлению мусульман». В первых числах июля, когда население еще спокойно ожидало ответа правительства на свои просьбы об отсрочке призыва до 15 сентября [6, л. 15] и не помышляло о противодействии властям, М. А. Фольбаум разослал секретные приказы уездным начальникам. Он требовал сформировать вооруженные конные команды из казаков и добровольцев «для поддержания порядка в случае неприятных действий туземцев» [17, л. 17]. К 14 июля в еще мирную Семиреченскую область было подтянуто 3736 штыков и в казачьих сотнях не более 500 штыков [18, л. 1–15].

Военные отряды, казаки и добровольные дружины состояли по большей части из грубых и невежественных людей и находились на скудном материальном обеспечении. Получив в руки оружие, они начали промышлять грабежом и насилием над мирным населением, которое в отчетах для оправдания своих действий еще и обвинялось в мятеже. Так как контроль над этими отрядами и добровольными дружинами осуществить было невозможно, остановить чинимые ими беззакония было невыполнимой задачей, которую, впрочем, никто серьезно и не ставил.

Так, уже 10 июля 1916 г. в военные части было разослано распоряжение командования, гласившее: «Ввиду случаев употребления огнестрельного оружия против безоружных масс туземцев предлагаю разъяснить войскам, что оружием нужно пользоваться в высшей степени осмотрительно и только при явно враждебных выступлениях. Генерал Ерофеев» [18, л. 1].

Итак, военные начали стрелять по безоружному коренному населению уже в первых числах июля, а коренное население Семиречья стало нападать на русские селения только через месяц — в начале августа. Это были ответные действия повстанцев на беззаконие воинских подразделений, хотя мирными русскими крестьянами эти нападения воспринимались так: «киргизы первыми стали нападать».

Нападения вооруженных отрядов на мирные «киргизские» волости (низшая административная единица, у кочевников «волость» означала не столько территорию, сколько род) начались в начале июля и продолжались больше месяца, при этом, застигнутые врасплох и безоружные, в первое время казахи и кыргызы не оказывали сопротивления, смирившись со своей участью. В донесениях военных, а затем и высшего военного руководства краем и областью эти события описывались как «подавление преступных мятежников». Подобные рапорты и донесения, оправдывавшие карательные действия военных и дружинников, рисовали «киргизов» зачинщиками мятежа. Степень «враждебности» кочевого населения определялась самими военными в посылаемых отчетах, где жертвы их грабежа и насилия обвинялись в бунтах и побегах из-под ареста. Приведем лишь один пример подобного искажения фактов.

Один из очевидцев разыгравшейся трагедии так описывал начало восстания в Пишпекском уезде:

Как ни озлоблены были киргизы на русских, они воздерживались от открытого нападения на русские селения, ограничившись лишь тем, что угнали со степи принадлежащий крестьянам скот, пока не дошла до них весть о небывалом, неожиданном и вместе с тем в высшей степени возмутительном самосуде над киргизами Джамынсартовской волости, учиненном крестьянами с. Беловодского. Инцидент этот в истории мятежа сыграл важную роль и так ясно обрисовал таившиеся в душе крестьян чувства к киргизам, что обойти его молчанием невозможно [5, л. 25–26].

Трагические события в Беловодске (Пишпекский уезд), как и в других районах, позднее охваченных восстанием, начались со слухов, что против русских восстали «киргизы». В то время, когда атмосфера взаимного страха и паники царилась как в кыргызских волостях, так и в русских селениях, недалеко от Беловодска на

одной из заимок Джамынсартовской волости был убит владелец заимки, русский крестьянин Власов и его сын, супруга которого смогла спастись и рассказать о происшествии сельчанам. По одной из версий, убийство было совершено его же работниками-киргизами на почве личных счетов [6, л. 26].

Это убийство, совершенное несколькими киргизами, спровоцировало дальнейшие трагические события. В Беловодск был послан участковый пристав, но крестьяне не дали довести до конца начатое расследование и самовольно арестовали всех киргизов названной волости. Для последних арест оказался совершенно неожиданным, так как более полутысячи киргизов дали себя арестовать, а затем убить ста двадцати крестьянам, среди которых были старики, подростки и женщины (русские мужчины были на фронте). Всего арестованных было, по разным источникам, от 600 до 700 человек, которые были втиснуты в небольшое помещение. Крестьяне, приступив к поголовному избиванию киргизов, убили на месте 517 человек, а остальных, численностью до 200 человек, под конвоем отправили в Пишпек. Все арестованные были затем убиты, частью по дороге, а остальные — на церковной площади в Пишпек. Воинский начальник по поводу этого инцидента заявил, что «об этой истории не надо говорить, так как придется установить версию, что они сделали попытку бежать» [19, с. 25]. Таковая версия и была установлена в рапортах о происшествии.

Для расследования этой трагедии приезжал сам генерал Фольбаум, который, правда, не доехав до Беловодска, вызвал в Пишпек руководство волости, на этом дело и кончилось. Вслед за этой трагедией он послал телеграмму копальскому, лепсинскому, джаркентскому и пржевальскому уездным начальникам, в которой писал: «Формирование конных полусотен из крестьян Пишпекского уезда принесло результаты: крестьяне стали решительнее, и 13 августа в одной восставшей волости ими уничтожено 138 мятежников. Руководствуйтесь этим примером, смелее организуйте крестьян, непременно конных, и пусть смелее действуют против истинных бунтовщиков, отнюдь не трогая и не допуская обид спокойному населению» [20, л. 254]. В изложении генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина это событие выглядело так: «Сформированные в Беловодске крестьянские дружины оказали помощь местному приставу в задержании 138 мятежников, которые по пути в Пишпекскую тюрьму дорогой взбунтовались и за попытку бежать были перебиты дружинниками» [21, с. 344, док. № 234].

Следует сказать, что арестованные, а затем поголовно убитые киргизы как раз и были «спокойным населением»: они не восставали, не оказывали сопротивления и не проявляли агрессии — ни при аресте их крестьянами, ни при их томлении в тесном помещении, ни когда их добивали крестьяне и военные. Об этом с горечью говорится в воспоминаниях представителей русской интеллигенции и крестьянства, осудивших эти зверства против безоружных и совершенно невиновных людей [1; 13].

Вот что об этом писал современник:

В ком не вызовут возмущения зверства некультурного киргизского населения, учиненные ими в 1916 году над русским населением Семиречья, но они бледны и ничтожны перед тем, что сделано было русским «боголюбивым» крестьянством в том же Пишпекском уезде с киргизами, которых винить в восстании всех в целом, во всяком случае, нельзя было [22, л. 121].

Когда известие о самосуде беловодских крестьян над мирными кыргызами распространилось по волостям, все кыргызское население, и без того озлобленное прежней несправедливостью русского крестьянства и властей, возмутилось еще больше, и с того момента они начали поджигать русские поселки и нападать на русское население. В ответ на незаконные действия военных «молодые киргизы, объединившись в толпу всадников, где в сто, где в тысячу человек, вооруженную палками с косой или зубцами от грабель и в редких случаях охотничьими ружьями, разъезжали по аулам и присоединяли к толпе своих сверстников, иногда путем угроз» [23, с. 63].

Начало восстанию в Семиречье было положено 3 августа в Верненском уезде, на урочище Самсы, где, согласно донесениям, пять казахских волостей оказали полное неповиновение при составлении списков призываемых и испортили телеграф [24, л. 46].

26 августа исполняющий обязанности начальника штаба Туркестанского военного округа телеграфировал из Ташкента о том, что волнения среди киргизов Верненского, Пишпекского, Пржевальского и Джаркентского уездов приняли характер восстания, который самими киргизами именуется войной [21, с. 347].

Г. Бройдо отмечал, что «кровь была ответом на убийства Бакуревича, Рымшевича и др. Толпа уже была вооружена, ибо воочию убедилась, что, если будешь сидеть в юрте — тебя убьют, сядешь на лошадь, бежать в горы — убьют, будешь вооружаться — убьют. При таких условиях обезумевшей от ужаса и паники толпе ничего не остается делать, как защищаться, и эксцессы с отдельными лицами, застигнутыми в горах, являлись мстью, приведенной в ярость действиями администрации толпы» [19, с. 24].

Конечно, не все военные и дружинники занимались грабежами и насилием над мирным населением. Ряд русских офицеров, чиновников и простых крестьян по мере своих сил противодействовал развязыванию противоправных действий в отношении коренного населения. Г. Бройдо приводит несколько примеров по этому поводу. Так, оставшийся в Пишпеке Путинцев был против «восстания», и беспорядков не было в 12 волостях, окружавших Пишпек, несмотря на то что киргизы этих волостей были в близких отношениях с киргизами, перебитыми в Беловодской волости. Некий Лукашин обезоружил и выгнал двух вооруженных дружинников, которые явились в мирную киргизскую волость, отнимая имущество и угрожая смертью местному населению [19, с. 26].

7 августа из ближайших к Верному казачьих станиц была сформирована новая казачья сотня, обрушившаяся уже 10 августа на кочевья казахов Ботпаевской волости. Решительные действия этой сотни, перебившие поголовно около трех аулов и рассеявшие всех остальных «мятежников», а также арест многих, заранее установленных главарей привели остальные аулы волости к повиновению [5, л. 47].

Г. Бройдо, описывая начало восстания «киргизов», писал, что отряд под командованием хорунжего Александрова заставил своими действиями казахов и кыргызов впервые броситься бежать. Часть бежала на Курдайские горы, часть — в долину Чу, около Самсоновки и Карабулака, разнося весть о жестокостях отряда. Автор замечает, что «эти движения толпы, бежавшей от преследований карательных отрядов, вносили страшное волнение (пассивное) в еще спокойно сидящие волости и сразу подняли слух о том, что киргизы будут резать русских. Слухи о бунте кир-

гизов усиленно распространялись администрацией, и русское население с этого момента начинает вооружаться, сначала индифферентно, а затем все более интенсивно. Такой же слух о том, что русские будут резать киргизов, столь же интенсивно разносился по степи.

Отряд, высланный на Курдай, явился на станцию Отар и увидел, что все лошади уведены, а ямщики поехали в степь за ними. Когда ямщики вернулись и привели восемь лошадей, прапорщик приказал им выстроиться и всех расстрелял. Весть об этом быстро разнеслась среди близлежащих волостей, и киргизы этих волостей бросились бежать со скотом, женами и скарбом, а отряд стал «усмирять» их «волнение» расстрелами. Бегущими толпами уже кое-где в это время были приняты меры к самозащите от образовавшихся почти повсюду крестьянских дружин: у киргизов появились палки, вилы, кое-где — насаженные на древко железные острые предметы.

Все это произошло мгновенно с 7 по 10 августа. Известие о толпах в районе Самсоновки вызвало посылку карательного отряда в 100 штыков под руководством пристава Бакуревича, которому Фольбаум дал приказ: «Всех встречных киргизов уничтожать, а аулы сжигать». Что и было сделано. Бакуревич через Кастек пошел на Токмак, а толпы киргизов, по отношению к которым решительно выполнялся приказ Фольбаума, бросились по направлению к Самсоновке. Другой отряд пошел из Верного к Курдаю, усиливая панику и бегство. Целым рядом очевидцев установлено, что все эти дни по трем направлениям: по линии к Ивановке, Токмаку, и через Кастек на Карабулак, Самсоновку, — происходила небывалая укочевка киргизов в горы. Нападений или осады со стороны киргизов вообще нигде не удалось установить (при проверке многочисленных слухов) до 28 августа. Отряды под руководством Бакуревича, Рымшевича, инженера Сыромятникова и других выступали в горы, где нападали на мирных безоружных киргизов и убивали. При этом юрты сжигались, а скот и ценное имущество киргизов и казахов присваивались карателями [19, с. 21–23].

Один из чиновников Туркестанского охранного отделения, анализируя восстание, писал, что не все киргизы принимали участие в восстании. Примерно треть киргизов совершенно не участвовала в нем и если и ушла в горы, то лишь из опасения быть уничтоженными русскими отрядами. Треть киргизов была принуждена так или иначе принять участие в восстании из опасения быть перебитыми своими сородичами. Несочувствие части киргизов восстанию доказывается тем, что многие киргизы предупреждали русских о приготовлении к мятежу, и тем, что много русских, попавших в киргизский плен, было спасено, а в некоторых случаях и уведено из плена киргизами. Кара-Булакская волость (на юге Пишпекского уезда) даже выступила против своих же киргизов и отстояла русское селение [21, с. 397].

Непродуманный указ о реквизиции туземного населения для работы в тылу, принятый в разгар уборки урожая, и последовавшее за ним введение военного положения в Туркестане вместе с незаконными несправедливыми действиями имперской и «туземной» администрации спровоцировали массовые народные выступления. На высших должностных лицах имперской администрации Семиречья и Туркестана лежит ответственность за военные преступления, совершенные против безоружного мирного коренного населения Семиречья, и за их ответ-

ные действия против русского населения. Не случайно действия представителей царской администрации в Семиречье судебными властями России были признаны явно несправедливыми в отношении коренного населения, более того, открыто ставился вопрос о провокационной роли властей в организации «киргизского бунта», тем более что, несмотря на недовольство, практически всеми волостями списки рабочих уже были составлены.

Источники и литература

1. Мухлынин Б. Ф. История села Беловодское: В 3 т. СПб.: Нева, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://belovodskoe-muh.ucoz.ru/index/0-2> (дата обращения: 15.08.2015).
2. События в Семиречье 1916 г. по документам российских архивов. [Электронный ресурс]. URL: <http://semirechye.rusarchives.ru/> (дата обращения: 18.04.2016).
3. Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии: Сб. документов и материалов / сост. и автор предисл. Т. Котюкова. М.: Марджани, 2016. 468 с.
4. Материалы о восстании 1916 г. (рассказы очевидцев из разных районов Киргизии) // Рукописный фонд Ин-та яз. и лит-ры Нац. академии наук Кыргызской Республики (РФ ИЯЛИ НАН КР). Инв. № 1519.
5. Мятеж киргиз в Семиреченской области в 1916 г. (его причины, течение и постепенная ликвидация) // Фонд рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан (ФРПК НБ РК). Инв. № 62.
6. Восстание казахов в Семиреченской области в 1916 г. // ФРПК НБ РК. Инв. № 66.
7. Куропаткин, ген. Рапорт Николаю II от 22.02.1917 о восстании 1916 г. Ташкент, 1917 // ФРПК НБ РК. Инв. № 69.
8. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 44. Оп. 1. Д. 19369. 45 л.
9. ЦГА РК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 818.
10. ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 18.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. 27 л.
12. РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1186.
13. ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 46.
14. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 17655.
15. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 2. Д. 16920 — 1916 г.
16. РГИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2419.
17. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 19753.
18. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 20076.
19. Бройдо Г. И. Восстание киргиз в 1916 г.: Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 28 с.
20. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 2. Д. 16927.
21. Восстание 1916 г. в Средней Азии: Сб. документов / отв. ред. А. В. Пясковский. М.: Изд. АН СССР, 1960. 468 с.
22. ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 50. Описание мятежа киргизов в 1916 г.
23. К истории восстания киргиз в 1916 г.: Документы, отражающие расстановку сил, причины, начало и ход восстания в 1916 г. в Тургайской и Семиреченской областях // Красный архив. 1926. № 3. С. 59–65.
24. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 20064.

Для цитирования: Маджун Д. С. Повод к восстанию 1916 г. в Семиречье и его начало // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 4. С. 28–39. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.404.

References

1. Muhlynin B. F. *Istoriia sela Belovodskoe* [The history of the village Belovodskoe]. In 3 vol. St. Petersburg, Neva Publ., 2015. Available at: <http://belovodskoe-muh.ucoz.ru/index/0-2> (accessed: 15.08. 2015). (In Russian)

2. *Sobytiia v Semirech'è 1916 g. po dokumentam rossiiskikh arkhivov* [Events in Semirechye, 1916, according to documents from Russian archives]. Available at: <http://semirechye.rusarchives.ru> (accessed: 18.04.2016). (In Russian)
3. *Vosstanie 1916 goda v Turkestane: Dokumental'nye svidetel'stva obshchei tragedii*: Sb. dokumentov i materialov [The 1916 uprising in Turkestan: documentary evidence of a common tragedy: collection of documents and materials]. Comp. T. Kotyukova. Moscow, Mardjani Publ., 2016. 468 p. (In Russian)
4. *Materialy o vosstanii 1916 g. (rasskazy ochevidtsev iz raznykh raionov Kirgizii)* [Proceedings of the 1916 uprising (eyewitness accounts from different regions of Kyrgyzstan)]. *Rukopisnyi fond In-ta iaz. i lit-ry Nats. akademii nauk Kyrgyzskoi Respubliki (RF ILaLI NAN KR)* [Manuscript Fund of Institute of Language and Literature of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic], inv. no. 1519. (In Russian, unpublished)
5. *Miatezh kirgiz v Semirechenskoi oblasti v 1916 g. (ego prichiny, techenie i postepennaia likvidatsiia)* [its causes, course and progressive elimination]. *Fond rukopisei i redkikh knig Natsional'noi biblioteki Respubliki Kazakhstan (FRRK NB RK)* [Manuscripts and rare books of the National library of the Republic of Kazakhstan], inv. no. 62. (In Russian, unpublished)
6. *Vosstanie kazakhov v Semirechenskoi oblasti v 1916 g.* [The uprising of the Kazakhs in the Semirechye area in 1916]. *Fond rukopisei i redkikh knig Natsional'noi biblioteki Respubliki Kazakhstan (FRRK NB RK)* [Manuscripts and rare books of the National library of the Republic of Kazakhstan], inv. no. 66. (In Russian, unpublished)
7. *Kuropatkin, gen. Raport Nikolaiu II ot 22.02.1917 o vosstanii 1916 g.* Tashkent, 1917 [Report to Nicholas II of 02.22.1917 on the 1916 uprising. Tashkent, 1917]. *Fond rukopisei i redkikh knig Natsional'noi biblioteki Respubliki Kazakhstan (FRRK NB RK)* [Manuscripts and rare books of the National library of the Republic of Kazakhstan], inv. no. 69. (In Russian, unpublished)
8. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CGA RK)], f. 44, op. 1, d. 19369. (In Russian, unpublished)
9. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CGA RK)], f. 77, op. 1, d. 818. (In Russian, unpublished)
10. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Kirgizskoi Respubliki (TsGA KR)* [Central State Archive of the Kyrgyz Republic (CGA KR)], f. i-75, op. 1, d. 18. (In Russian, unpublished)
11. *Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)], f. 1292, op. 1, d. 1933. (In Russian, unpublished)
12. *Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)], f. 1276, op. 12, d. 1186. (In Russian, unpublished)
13. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Kirgizskoi Respubliki (TsGA KR)* [Central State Archive of the Kyrgyz Republic (CGA KR)], f. i-75, op. 1, d. 46. (In Russian, unpublished)
14. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CGA RK)], f. 44, op. 1, d. 17655. (In Russian, unpublished)
15. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CGA RK)], f. 44, op. 2, d. 16920 — 1916 r. (In Russian, unpublished)
16. *Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)], f. 1396, op. 2, d. 2419. (In Russian, unpublished)
17. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CGA RK)], f. 44, op. 1, d. 19753. (In Russian, unpublished)
18. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CGA RK)], f. 44, op. 1, d. 20076. (In Russian, unpublished)
19. *Broido G. I. Vosstanie kirgiz v 1916 g.: Moe pokazanie prokuroru Tashkentskoi sudebnoi palaty, dannoe 3-go sentiabria 1916 g.* [Revolt of the Kyrgyz in 1916: My reading for the Tashkent prosecutor Court of Justice given September, 3, 1916]. Moscow, 1925. 268 p. (In Russian)
20. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK)* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CGA RK)], f. 44, op. 2, d. 16927. (In Russian, unpublished)
21. *Vosstanie 1916 g. v Srednei Azii: Sb. dokumentov* [Revolt in 1916 in Central Asia: Digest of articles]. Ed. by P. Ia. Pyaskovsky. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 468 p. (In Russian)
22. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Kirgizskoi Respubliki (TsGA KR)* [Central State Archive of the Kyrgyz Republic (CGA KR)], f. i-75, op. 1, d. 50. (In Russian, unpublished)
23. *K istorii vosstaniia kirgiz v 1916 g.: Dokumenty, otrazhaiushchie rasstanovku sil, prichiny, nachalo i khod vosstaniia v 1916 g. v Turgaiskoi i Semirechenskoi oblastiakh* [On the history of Kyrgyz uprising in 1916.: Documents, reflecting the balance of power, the reasons, the beginning and the course of the uprising in 1916 in Turgay and Semirechensk areas]. *Krasnyi arhiv* [Red archives], 1926, no. 3, pp. 59–65.

24. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK)* [*Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CGA RK)*], f. 44, op. 1, d. 20064. (In Russian, unpublished)

For citation: Madzhun D.S. The motive and the beginning of the 1916 uprising in Semirechye. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, 2016, issue 4, pp. 28–39. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.404.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2016 г.
Статья рекомендована в печать 8 сентября 2016 г.

Контактная информация

Маджун Джамиля Сулеймановна — кандидат исторических наук; djamad1966@mail.ru

Madzhun Djamilya S. — PhD; djamad1966@mail.ru